

Мое детство пришлось на 70-е годы. Военной прозы тогда издавалось много или даже слишком много. Безусловные шедевры, например роман Богомолова «В августе 44-го», запросто соседствовали с опусами Ивана Стаднюка и считались одноранговыми.

Кое-что из того, что я тогда внимательно прочитал, вовсе не надо было читать.

В результате я приобрел нечто вроде аллергии на книги о войне – честно в этом признаюсь.

Моим суперхитом подросткового периода был роман Анатолия Иванкина «Последний камикадзе» – роман этот (кстати, недурной) повествовал вовсе не о Великой Отечественной войне, шедшей на равнинах моей Родины, но о японских одноразовых летчиках, сражавшихся с американцами в те же годы, но на другом театре военных действий.

Хорошо помню: громадное впечатление произвел на меня роман писателя Николая Шпанова «Первый удар» в уникальном тогда жанре военно-политической фантастики, изданный еще до войны, в 1939 году, невзвест как оказавшийся в книжном шкафу моей бабушки и там мною откопанный году в 1978-м примерно. Никогда себе не прошу, что утратил эту книгу. Главным героем ее был советский летчик по имени Павел Гроза. В романе описывался подземный аэродром, откуда самолеты выстреливались посредством катапульт. И еще много

других сложносочиненных фишек было в том невероятном романе. Главная идея его заключалась в том, что как только враг полезет – мы его тут же побьем на его территории, и пусть он будет оснащен всеми техническими новинками – он проиграет в моральном настрое.

А между тем Шпанов сам был боевой летчик, воевал в Первую мировую, рассекал небо на фанерном биплане, написал учебник для летных училищ, а Великую Отечественную прошел военным корреспондентом.

Хорошо помню объемистую, интереснейшую книгу мемуаров «Служу Родине» другого летчика, трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба.

Возможно, именно тогда оформилась моя любовь к военным воспоминаниям, к документальным свидетельствам в противовес художественным.

При том я хорошо понимал, что мемуары всегда содержат некоторый элемент вымысла. Понимал и другое: мемуары, как правило, записаны рукою литературного обработчика, секретаря. Но это ничего не меняло.

Читая книги о войне, я не желал видеть «художественную правду», я не хотел оказаться в специально созданном «художественном пространстве».

Уж если гнать вымысел – так гнать направо, безоглядно, как делал это лихой сочинитель Шпанов.

Тем ценнее для нас книги о войне, написанные непосредственными участниками, фронтовиками, нашедшими в себе силы и упорство вспомнить.

А если обходиться без вымысла – так лучше иметь дело с сухими фактами. В таком-то месяце такого-то года такое-то подразделение в количестве двух тысяч бойцов выдвинулось для атаки противника, и обратно никто не вернулся.

Я исхожу из банального довода, что реальность всегда шире наших представлений о ней.

Так вышло, что во взрослом возрасте самое сильное впечатление произвели на меня именно военные мемуары: жизнеописание генерала армии Василия Филипповича Маргелова, главкома Воздушно-десантных войск.

В армии Маргелов – без всякого преувеличения культовая фигура. Каждый десантник скажет, что ВДВ расшифровывается как «Войска Дяди Васи». Внутри этих войск Маргелова называют не иначе как Батя.

Он был профессиональным военным, спортсменом-лыжником, прошел всю финскую кампанию (одно время командовал дисциплинарным батальоном), а затем и Великую Отечественную от первого до последнего дня.

Пересказывать биографию бессмысленно: нужно просто почитать эту книгу, а заодно, при желании, и другие книги: Маргелов был человек с юмором и известен как автор многих сотен афоризмов, они тоже изданы. Шутки все сугубо военные, пацифистам непонятные, например: «Смерть не является оправданием для невыполнения боевого задания».

Но одну историю, самую удивительную, приведу здесь.

Маргелов возглавил ВДВ уже после войны.

Он не был создателем этого рода войск. Развитие десантного дела мешало отсутствие большого

самолета, такой самолет – Ан-12 – поступил на вооружение только в конце 50-х годов. Самолет мог брать на борт 60 человек.

Маргелов мыслил исключительно идеями расширения, развития, он решил, что с воздуха надо десантировать не только солдат с автоматами, но и все прочее: от полевых кухонь до орудий и боевых машин. Такую боевую машину разработали и построили: БМД-1.

Машина десантировалась без экипажа, с использованием специальной парашютной системы, также созданной с участием Маргелова. Экипаж – два человека – прыгал отдельно.

Но Маргелов пошел еще дальше: он решил, что машина должна десантироваться уже с экипажем внутри и вступать в бой через считанные минуты после приземления.

Никто не верил, что такое возможно.

Первые эксперименты провели на собаках, собаки погибли.

Министр обороны Гречко лично запретил Маргелову продолжать испытания во избежание человеческих жертв.

Но Маргелов ослушался – и для решающего испытания использовал собственного сына, старшего лейтенанта Александра Маргелова.

Все прошло удачно.

Когда Маргелова-старшего спросили: «А что, если бы ваш сын погиб?» – генерал ответил: «У меня четверо сыновей, кто-нибудь долетел бы».

Это было не что иное, как жертвоприношение Авраама: отдать сына во имя веры, во имя идеи.

Ни одна армия в мире до сих пор не умеет десантировать боевые машины с экипажем внутри.

Я, кстати, был знаком с Александром Васильевичем Маргеловым и бывал у него в квартире, превращенной в музей памяти отца. И получил от Маргелова-младшего матерный нагоняй за неточности в написанном мною сценарии, посвященном Маргелову-старшему. Этот нагоняй меня совершенно не расстроил, я служил в армии и знаю, что без знания русского языка во всем его богатстве невозможно управлять ни взводом, ни дивизией.

Что такое война, мы все знаем. Нам примерно известно, почему люди на протяжении тысяч лет ведут войны, вместо того чтобы мирно выпивать и закусывать. Потому что жизнь – это конфликт. Первое, что делает новорожденный, выбираясь из материнской утробы – вступает в конфликт с новой для него и враждебной ему средой и кричит от страха и от холода. Люди вынуждены принимать войну, понимать войну, мириться с неизбежностью

новых и новых войн, с миллиардными расходами на новые вооружения. Парадоксально, гонка вооружений подталкивает технический прогресс в мирной области: лучшие инженеры работают на оборонных предприятиях, развитие военных технологий опережает развитие гражданских.

Баллистические ракеты нужны были в первую очередь для того, чтобы доставлять ядерные заряды, а уж потом для освоения космоса.

Если бы не война, массовое применение антибиотиков началось бы не в 1941 году, а на пять, а то и десять лет позже.

Вот и Маргелов – под его руководством была создана многокупольная парашютная система, она потом широко применялась в мирной космонавтике.

Наконец, последнее: следует учитывать, что писать книги о войне, хоть мемуары, хоть художественные, очень трудно. Так вышло, что и сам я участвовал в чеченской кампании 2000 года как гражданский специалист и при желании мог бы написать книгу о той войне, но делать этого не буду: не хочу вспоминать.

Тем ценнее для нас книги о войне, написанные непосредственными участниками, фронтовиками, нашедшими в себе силы и упорство вспомнить. Чем дальше от нас отодвигается наша самая страшная, Великая Отечественная, тем больше мы будем в них нуждаться.

Практика последних десятилетий показывает, что историю переписать не так уж и трудно: для этого даже не нужна команда от властей предрешающих и деньги тоже не нужны: достаточно просто **р а з р е ш и т ь**. Дилетанты, фантазеры, историки-надомники, популисты и шизофреники – тут же появляются в большом количестве, наводняя полки «исследованиями», «правдами», «неизвестными фактами». Так было у нас в годы распада СССР, так было на Украине.

История – тоже оружие массового поражения.

Поэтому: запомним имена людей, подставлявших головы под пули и бомбы, будем знать их книги, и художественные, и документальные, и выдающиеся шедевры, и нехитрые мемуары, будем рекомендовать их друг другу, и детям, и внукам.

